

Список литературы

1. *Fantel H.* Music by mouse, А.К.А. MP3 // Opera News. — 2000. — Vol. 64. — Part 10.
2. *Кряквина Ю.* Перспективы рынка музыкального цифрового контента в России // Журнал ixbt.com. 2005 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ixbt.com/cm/iriver-digitalaudio.shtml>
3. *Wakelin B.* I want my MP3 // Q music. — 2001. — May.
4. OECD Information Technology Outlook 2004: Peer-to-Peer Networks in OECD Countries, ch.5, OECD, Paris, 2004 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.oecd.org/dataoecd/55/57/32927686.pdf>
5. *Горохов А.* Дыра, прикрытая глянцем. — М.: Ад Маргинем, 2007.
6. *Алан МакГи: «Это — революция»* // Зеркало недели, 1998, № 27 от 4—10 июля [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.zn.ua/2000/2675/17326>
7. *Mann Ch.C.* The Year The Music Dies // WIRED, 2003, February [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.wired.com/wired/archive/11.02/dirge.html>
8. *Никитин Л., Скрипников С.* Цифровой апперкот музыкальной индустрии // Эксперт. — 2005. — № 17 (464).
9. Музыкальная индустрия на распутье // Информационная IT-лента AlgoNet [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.algonet.ru/?ID=622989>
10. *Шеридан Р.* When the pigs fly. Когда свиньи летают // Upgrade special. — 2008. — № 4.
11. *Тоффлер Э.* Третья волна. — М.: АСТ, 2004.
12. *Нейсбит Д.* Мегатренды. — М.: АСТ; Ермак, 2003.
13. *Фукуяма Ф.* Великий разрыв. — М.: АСТ, 2008.
14. *Кастельс М.* Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. — М., 1999.
15. *Барлоу Д.П.* Декларация независимости киберпространства // Информационное общество. — М.: АСТ, 2004.
16. *Кастельс М.* Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе. — Екатеринбург: У-Фактория, 2004.
17. *Мэй Т.* Криптоанархия и виртуальные сообщества // Криптоанархия, кибергосударства и пиратские утопии / под ред. П. Ладлоу. — Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005.
18. *Барбрук Р.* Свобода гипермедиа // Криптоанархия, кибергосударства и пиратские утопии / под ред. П. Ладлоу. — Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005.
19. *Архангельский А.* Мусор Музыки (интервью с О. Нестеровым) // Огонек. — 2003. — № 25.
20. *Albini S.* The Problem with Music // Maximum Rock'n'Roll. — 1994. — № 133.
21. *Ласика Дж.Д.* Даркнет: Война Голливуда против цифровой революции. — Екатеринбург: Ультра. Культура, 2006.

УДК 008.2
ББК 71.0

Т.Н. ШЕМЕТОВА

ИСКУССТВО ПРОВОКАЦИИ И ИДЕАЛЬНЫЙ ПРОВОКАТОР

Рассматривается термин «провокация» как конфликт между картинками мира субъекта и объекта провокации. В центре статьи фигура «идеального провокатора», которая интерпретируется автором как катализатор современной культуры. Цель идеального провокатора — уничтожить бинарные оппозиции и создать реальность второго плана, художественную реальность. Автор раскрывает четыре этапа идеальной провокации и устанавливает «идеальный» провокационный метод в оппозиции к методу «идеальной» провокации. *Ключевые слова:* провокация, провокационный метод, метод деконструкции, постмодернистская чувствительность, мировоззрение, идеальный провокатор, идейный провокатор, reasentiment.

Я не человек, я динамит... Я противоречу, как никогда никто не противоречил, и, несмотря на это, я противоположность отрицающего духа.

Ф. Ницше [1]

Рассуждение о провокации — занятие само по себе провокативное. Поэтому, сто́ит начать с остроумного высказывания английского писателя Гилберта Кита Честертона: «Грубо говоря, в мире есть три типа людей. Первый тип — это люди; их больше всего, и, в сущности, они лучше всех. Мы обязаны им стульями, на которых сидим, одеждой, которую носим, домами, в которых живем; в конце концов, если подумать, мы и сами относимся к это-

му типу. Второй тип назовем из вежливости “поэты”. Они большей частью сущее наказание для родных и благословение для человечества. Третий же тип — интеллектуалы; иногда их называют мыслящими людьми. Они — истинное и жесточайшее проклятие и для своих, и для чужих» (цит. по: [2, с. 110]).

Если предположить, что классификация Честертона верна, то в статье речь пойдет о представителях третьего типа — о мыслящих людях. Назовем их провокаторами.

Прежде всего надо определиться с самим термином «провокация». Он неоднозначен, поскольку связан с различными областями человеческой жизни. В их числе политика, военное дело, история, искусство, маркетинг,

биология, психология, медицина, конфликтология, философия, педагогика и т. д.

В общем смысле провокация — это некое развернутое во времени действие субъекта-provocatora (или субъектов), которое направлено на объект (объекты) провокации с целью вызывать определенную реакцию: либо конкретное действие, либо бездействие, в зависимости от цели провокации.

По поводу определения термина существует достаточное количество исследовательской литературы. Что касается его этимологии — это тема дальнейшего разговора.

В латинско-русском словаре *provocatio* — 1) вызов; 2) обжалование. Глагол *provoco* — 1) вызывать, бросать вызов; 2) подстрекать; 3) раздражать, возбуждать; 4) обжаловать. Причастие *provocaticius* — 1) вызванный; 2) возбужденный, возбуждающий. Существительное *provocator* — человек, бросающий вызов, гладиатор. Существительным *provocatorius* называли человека, имеющего отношение к *provocator*, то есть того, кто назначает и преподносит дары тем, кто бросает вызов и побеждает в боях или соревнованиях. Существительное *provocatrix* обозначает соблазнительницу [3, с. 632].

Интересно, что в латинском словаре *провокация* не трактуется как что-то негативное, ведущее к деструктивному поведению с целью причинить заведомый вред. Например, *provocatio ad populum* в римском государственном праве — разновидность апелляции в уголовных вопросах. Первоначально провокация была установлена в случаях приговора к телесному наказанию или смертной казни. Всякий полноправный гражданин мог воззвать, апеллировать к народу на решение магистрата. Провокация состояла в пересмотре уголовного дела народом и вынесении нового приговора. Право *provocatio ad populum* относится к числу древнейших прав римского гражданина [4].

При анализе данного слова в словарях европейских языков также не наблюдается только негативной коннотации этого слова.

Например, в итальянском языке *provocare* — 1) вызывать действие, возбуждать чувства; 2) бросать вызов, вызывать на дуэль. *Provocante* — 1) провоцирующий интерес; 2) вызывающий возбуждение. *Provocabile* — легко возбудимый [5, с. 647]. В английском языке *provocation* — 1) побуждение, вызов, подстрекательство; 2) провокация; 3) раздражение. *Provocative* — 1) возбуждающее средство; 2) вызывающий, дерзкий; 3) возбуждающий (веселье, печаль, любопытство); 4) раздражающий. *Provoke* — 1) вызывать, возбуждать; 2) провоцировать; 3) раздражать [6, с. 791].

Однако в толковых словарях русского языка на первое место ставится именно негативное, деструктивное значение этого слова.

Так, в словаре Ожегова *провокация* — 1) подстрекательство к каким-либо действиям, которые могут повлечь за собой тяжелые последствия; 2) искусственное возбуждение каких-либо болезней (мед.) [7, с. 596].

В толковом словаре Ушакова *провокация* — 1) система борьбы господствующего класса с революционным

движением, состоящая в том, что политическая полиция засылает в ряды революционных организаций (или вербует из числа неустойчивых членов этих организаций) своих тайных агентов, которые осведомляют полицию о деятельности революционеров и революционных организаций, выдают полиции революционеров, а также вызывают революционные организации на такие действия, которые могут вести к их разгрому; 2) умышленный вызов, подстрекательство с какой-либо целью [8, с. 906—907].

В толковом словаре русского языка Кузнецова *провокация* — 1) агрессивные действия с целью вызвать военный конфликт; 2) предательское поведение, подстрекательство кого-либо к действиям, которые могут повлечь за собой тяжелые для него последствия [9].

Большой энциклопедический словарь трактует провокацию как подстрекательство, побуждение отдельных лиц, групп, организаций и так далее к действиям, которые могут повлечь за собой тяжелые последствия [10].

В словаре иностранных слов можно увидеть следующие значения: провокация — 1) предательское поведение, подстрекательство; 2) побуждение кого-либо к заведомо вредным для него действиям; 3) искусственное возбуждение признаков болезни. Провокатор — 1) тайный агент, действующий путем провокации; 2) подстрекатель, действующий с предательской целью. Провоцировать — умышленно вызывать что-либо, подстрекать к чему-либо, наносящему вред [11, с. 410]. Очевидно, такой негативный оттенок в русском языке слово «провокация» приобрело в связи с революционным движением в России, которое привело к двум революциям в 1905 и 1917 годах.

Исходя из этимологии слова, можно сделать вывод, что провокация как явление не существует сама по себе. Она всегда включена в некую коммуникативную цепочку: субъект провокации — сообщение — объект провокации, и вне этого не имеет смысла.

Если отталкиваться от основного значения слова — *вызов*, то провокация — это некое направленное действие, акт воли. Действие-вызов строится на основе конфликта между двумя субъектами, которые в процессе коммуникации имеют противоположные цели и задачи. Конфликт можно определить как «форму проявления противоречия, не разрешенного в прошлом или разрешаемого в настоящем, которое возникает в ситуации непосредственного взаимодействия субъекта и объекта конфликта, и обусловленного противоположно выбранными целями, осознаваемыми или неосознаваемыми участниками конфликта, направленными на разрешение или снятие противоречий» [12, с. 284].

Так, первой характеристикой термина «провокация» в системе коммуникации может быть определен как некий конфликт двух (нескольких) субъектов, имеющих противоположные цели и задачи.

С точки зрения В.Н. Степанова, провокация — это «способ функционирования прагматической информации об особом намерении адресанта продемонстрировать определенное психическое состояние с целью вызвать у адресата аналогичное состояние» [13, с. 17]. То есть налицо конфликт

психических состояний адресанта и адресата. Степанов подчеркивает, что мишенями провокации чаще всего становятся мысли, намерения, духовное состояние и внутренний мир человека [13, с. 25].

По мнению А.М. Дружинина, провокация как конфликт интересов имеет онтологическую природу, и ее можно рассматривать, как целенаправленное стремление заменить своим Я бытие Другого [14]. То есть, вовлекая Других в провокационную коммуникацию, субъект провокации распространяет свое Я-Бытие и «стремится заполнить как можно большую часть наличного Бытия Других» [14, с. 154].

Отталкиваясь от приведенных точек зрения, представляется возможным рассматривать природу провокации с позиции конфликта картин мира (или элементов) субъекта и объекта провокации. При этом стоит напомнить, что понятие картина мира включает три компонента: мировосприятие (образную часть, представляющую собой совокупность наглядных образов природы, человека, его места в мире, взаимоотношение с миром и другими людьми и т. п.), мировоззрение (концептуальную часть, связывающую образы в систему взглядов, ценностных ориентаций), мироощущение (чувственную ткань сознания, которая эмоционально окрашивает образы, составляющих картину мира, то есть особый склад мышления) [15, с. 70]. Все элементы, входящие в картину мира взаимосвязаны, и изменение одного элемента может повлечь трансформацию всей картины мира человека.

Чтобы проследить структуру этого конфликта картин мира провокатора и объекта провокации, необходимо выявить формальные условия, делающие провокацию возможной. Исходя из идей А.М. Дружинина, можно выделить следующие условия:

- объект провокации должен находиться в радиусе восприятия и действительно воспринимать текст сообщения;
- субъект провокации не является фиктивным, то есть он не выдает себя за коммуникатора с другими качественными характеристиками, а напротив, открыто репрезентирует свою картину мира;
- объекту провокации не столько сообщается какая-либо информация, сколько транслируется определенная ценностно-нормативная установка (картина мира);
- конечным коммуникативным актом в провокации является сообщение о результате провокации, воспринятое субъектом провокации.

Коммуникация такого рода может быть одноактной или многоактной, то есть распространяющейся по цепочке, но она всегда будет кольцевой, замкнутой на субъекте провокации¹.

Коммуникативная схема провокации будет выглядеть следующим образом: провокатор воспринимает картину мира Другого и оценивает ее в целом (или отдельные ее элементы) как неприемлемую для себя. Чтобы изменить эту картину мира, провокатор сообщает объекту прово-

кации определенную информацию. Эта информация воздействует на картину мира объекта провокации и преобразует ее в соответствии с желаниями провокатора. На заключительном этапе провокатор оценивает результат провокации как удачный или неудачный. Только в этом случае провокацию можно считать завершенной. Конечным итогом провокации можно считать изменения в картине мира объекта провокации, а субъект провокации всегда замкнут на собственную картину мира.

Поэтому объективному рассмотрению провокационного действия может дать основания только полный анализ картины мира субъекта провокации и соотнесение ее с картиной мира объекта. Мотив и намерения провокационного действия, думается, заключается именно в этом несоответствии картин мира. Это еще один довод в пользу того, что провокацию нельзя рассматривать лишь как негативное действие, хотя она и может являться таковой в зависимости от мотивов и намерений субъекта провокации.

Итак, провокацию, как особое коммуникационное сообщение, можно считать методом построения особых отношений между субъектом и объектом провокации, в основе которых лежит конфликт их картин мира. Природа конфликта определяется стремлением субъекта (или субъектов) провокации изменить картину мира объекта (или объектов) провокации в соответствии со своим желанием. То есть заместить картину мира объекта провокации своей.

Отталкиваясь от этого определения, стоит попробовать описать картину мира идеального провокатора. Задача этого теоретического построения — определить некую точку отсчета или некие координаты, с которыми можно соотноситься для определения картины мира, следовательно, желаний и целей, конкретного провокатора.

Если, как уже было сказано ранее, в основе провокации лежит конфликт картин мира субъекта и объекта провокации, то идеальный провокатор должен вступать в конфликт с любой картиной мира, отличной от своей. Поэтому его картина мира будет носить отрицающий или нигилистический характер. По большому счету, философия, то есть определенная философская система, и есть объемная картина мира, которая включает мировосприятие, мировоззрение и мироощущение философа и человека.

В связи с этим термин нигилизм в данном случае взят в том значении, как понимал его Фридрих Ницше: нигилизм как критическая переоценка двух исходных оснований европейской культуры — рационализм, в основе которого лежит логика чистого разума, и мораль, в основе которой лежит христианская религия. «Как никто до него, Ницше, — пишет В. Межуев, — выразил сомнение в ценности того и другого. Отвергнув всю традиционную для этой культуры систему ценностей, как они представлены в религии, морали, философии, науке и политике, Ницше основанием своей философии сделал все же не отрицание (как у Шопенгауэра), а, наоборот, утверждение в мире позитивного смысла» [17, с. 196].

Французский мыслитель Жиль Делёз в своей книге «Ницше» так резюмирует мысли немецкого философа: «Вместо того чтобы искать единства активной жизни и ут-

¹ Понятия одноактной и многоактной коммуникации разработаны Г.В. Гриненко [16, с. 149—157].

верждающей мысли, она (философия) ставит перед собой задачу судить жизнь, противопоставлять ей так называемые высшие ценности, соизмерять ее с этими ценностями, ограничивать и порицать. Мысль становится отрицающей, а жизнь обесценивается, теряет активность, сводится ко все более слабым формам, если с чем и совместимым, то лишь с так называемыми высшими ценностями» [18].

Суть термина «нигилизм» Ницше сводит к краткому тезису: «Бог умер». Мартин Хайдеггер поясняет: у Ницше это значит то, что «христианский Бог» утратил свою власть над сущим и над предназначением человека» [19]. Бог умер, но место осталось. И это место должен занять человек с особым типом мышления. Потому что прежний, «теоретический» тип мышления есть «не что иное, — по мнению Делёза, — как перепись доводов, при помощи которых человек убеждает себя в необходимости повиноваться силам не слишком разумным — Государству, религии, расхожим ценностям» (цит. по: [20, с. 102]).

«После смерти Бога, — отмечает Вадим Межуев, — человеку не остается ничего иного, как только полагаться на себя, на собственные силы, на отпущенную ему природой жизненную энергию, демонстрируя в борьбе за выживание то, что Ницше назовет “волей к власти”» [17, с. 208]. То есть пойти по пути через отрицание «Нет» к новому утверждению «Да».

Итак, человек с особым типом мышления — это тот, который подвергает сомнению все ценности, существующие в данное время. Такой человек возникает, как правило, на определенной ступени развития цивилизации, «когда вековые традиции превратились в зловонную кучу мусора, которая начала разлагаться» [21].

И это человек — идеальный провокатор, в его природе дионисийская жажда жизни. Поэтому цель идеального провокатора — не обозначение того места, где живет застывшая, а стало быть потерявшая свою значимость, истина. Его цель — ввести противника в состояние дионисийского возбуждения. Именно в этом состоянии становится возможной «рефлексивная игра» (термин Е.С. Новика [22, с. 139]) новых смыслов, через сомнение, уход от доксы в сторону парадокса. Если говорить словами Ницше, то венец деятельности провокатора — выносить свое «Нет» на службу высшего утверждения. При этом идеальный провокатор — не «теоретический человек» (как понимает его Ницше), который, стремясь познать суть вещей, отделяет познание от иллюзии и рациональное от иррационального. Идеальный провокатор — это художник, игрок, танцор, канатоходец, балансирующий над бездной смыслов. По Ницше — сверхчеловек.

Идеальный провокатор — это своеобразный катализатор для культуры и тех процессов, которые происходят в обществе. Известно, что катализатор обеспечивает более быстрый путь для химической реакции. Для данной аналогии важно, что катализатор «реагирует с исходным веществом, получившееся промежуточное соединение подвергается превращению и в конце расщепляется на продукт и катализатор. Затем катализатор снова реагирует с исходным веществом, и этот каталитический

цикл многократно повторяется» [23, с. 335]. Поэтому смысл деятельности идеального провокатора видится в стремлении через повторяющиеся каталитические циклы вырвать человека из его собственных рамок. Человек должен выйти за собственный предел, за «человеческое, слишком человеческое», то есть обыденное, привычное, среднестатистическое, ограниченное рамками морали.

Культура, по мнению Ницше, существует для людей, которые собой не удовлетворены. Их стремление выйти за собственный предел и есть движение смыслов. Одним словом, это и есть развитие культуры. Идеальные провокаторы — это люди культуры, причем культуры художественной. Их картина мира не находится в стазисе². Стазис в данном случае — это некое энергетическое поле морали, обладающее изрядной силой притяжения. Но движения смыслов там не существует. Смыслы в моральном стазисе заморожены и лишены возможности развития.

Основной характеристикой картины мира идеального провокатора будет подвижность, в том смысле, что такая картина мира не статична; она есть бесконечный процесс поиска смысла, то есть своеобразный каталитический цикл. Для этого процесса нет границ, за которые провокатор бы не переступил, ибо границы не воспринимаются непреступными стенами. Границы и созданы для того, чтобы их переступать.

Техника провокативного метода идеального провокатора сопоставима с процессом деконструкции, представляющим собой выявление «спящих смыслов», заложенных в тексте, сообщении или явлении реальности. «Наивный» читатель, зритель, слушатель попадает под влияние доминирующего в тексте способа выражения и стремится к однозначной интерпретации текста, то есть выявлению в нем конкретного смысла. И только «деконструктивист способен дать новый образец демистифицированного прочтения» (цит. по: [24, с. 65]).

В данном случае стоит опираться на метод деконструкции Жака Деррида. В своем эссе «Конфликт факультетов» Деррида дает представление о власти как о господстве ментальных структур, которые предопределяют функционирование общественного сознания. Такие понятия как «власть», «институт» приобретают значение самодовлеющих сил. Эти силы влияют на ход мысли человека и, следовательно, на его поведение в обществе. Практика деконструкции и предназначена для «демистификации подобных фантомов сознания» (цит. по: [24, с. 59]).

Деконструкция Деррида представляет собой критический анализ традиционных бинарных оппозиций. Цель анализа состоит не в том, чтобы поменять местами ценности бинарных оппозиций, а скорее в том, чтобы нарушить их противостояние, показать их относительность. Сама по себе деконструкция никогда не выступает как чисто

² Стазис (от лат. *stasis* — стояние) — термин, употребляется в научной фантастике — это некое энергетическое поле, в котором прекращалась всякая деятельность организма. Стазис целиком останавливает любые физиологические процессы, ощущение времени в стазисе полностью теряется, т. е. происходит как бы «заморозка» времени.

техническое средство анализа, а предстает как «своеобразный деконструктивно-негативный познавательный императив постмодернистской чувствительности» (цит. по: [24, с. 57]).

Под постмодернистской чувствительностью понимают два рода явлений. Одно из них — ощущение мира как хаоса, где отсутствуют какие-либо критерии смысловой и ценностной ориентации мира, то есть кризис веры во все ранее существовавшие ценности. И первым провозвестником этой «эры пришествия нигилизма» становится Фридрих Ницше. «Теперь же, — как отмечает теоретик постмодернизма И. Хассан, — большинство из нас с горечью признают, что такие понятия как Бог, Царь, Человек, Разум, История, Государство, некогда появившись, затем канули в Лету как принципы несокрушимого авторитета» (цит. по: [24, с. 223]). Другое выражение постмодернистской чувствительности — особая манера письма, то есть стиль текста или сообщения, способ его подачи. В основе такого способа подачи текста лежит техника намека; в этом случае читателя, зрителя, слушателя провоцируют на поиск этого латентного смысла.

Идеальный провокатор и есть, по сути, деконструктивист, цель которого уничтожить бинарные оппозиции, выявить скрытый смысл и вложить его в картину мира объекта провокации. Иными словами, посеять сомнение в его однозначном восприятии действительности, расшатать незыблемость, устойчивость его картины мира, сделать ее такой же подвижной, как свою собственную. То есть идеальный провокатор вступает в сферу борьбы с авторитетами государственных структур за влияние над общественным сознанием.

Основываясь на этих теоретических положениях, можно выделить четыре стадии процесса идеальной провокации.

Первая стадия — имитация, провокатор копирует явление реальности для своего провокативного текста, чтобы потом деконструировать копию.

Вторая стадия — членение: разделение копии реальности на некие утверждения по методу бинарных оппозиций — это правильно, это неправильно; это красиво, это безобразно и т. д. Критерий, по которым строится оппозиция — это мораль, нравственные аспекты, правила поведения, закрепленные в повседневной практике данного социума.

Третья стадия — разрушение. На этой стадии провокатор подвергает сомнениям свои же вычлененные бинарные утверждения. Третья стадия сродни сократовскому методу майевтики, отраженному в «Диалогах» Платона. Исходя из убеждения, что «за неимением собственной мудрости, он не может учить чему-либо, Сократ видел свою задачу в том, чтобы, беседуя и ставя всё новые и новые вопросы, побуждать других самим находить истину» [25]. Провокатор на этой стадии выступает посредником, а не учителем и моралистом, ибо сам он «ничего не знает». Он лишь старается извлечь скрытое подвижное знание, сомневаясь в верности бинарных оппозиций и тем самым их разрушая. Специфической формой такого разрушения

становится «киронический модус» по отношению ко всем проявлениям жизни. Характер «киронического модуса» определяется в первую очередь негативным пафосом, направленным против авторитета государственных структур и иллюзионизма массмедиа.

Четвертая стадия — это утверждение, если пользоваться терминологией Ницше. На этой стадии провокатор из деконструированной копии реальности создает реальность второго плана; по Лотману — «вторичную моделирующую систему» [26, с. 274—293]. Четвертая стадия — это и есть ницшеанское утверждение. По словам Деррида, это «радостное утверждение свободной игры мира без истины и начала» (цит. по: [24, с. 64]).

Чтобы понять такого уровня провокативный текст, требуется выход за рамки понимаемого всеми поверхностного, явно буквального смысла и значения. Как отмечает французский философ Поль Рикёр — это «работа мышления, которая состоит в расшифровке смысла, стоящего за очевидным смыслом, в раскрытии уровней значения, заключенных в буквальном значении» [27, с. 18]. (В этой связи интересно, что в английском языке существует понятие «thought-provoking», что буквально означает — вызывающий мысли.)

Итак, идеальный провокатор создает художественную реальность, реальность второго плана. Поэтому у идеального провокатора сам процесс провокации — это не прямолинейная лобовая замена картин мира, а «рефлексивная игра». Каждый элемент игры получает двойное значение, являясь, с одной стороны, утверждением правила, а с другой — отклонением от него. В такой рефлексивной игре выигрывает тот провокатор или объект провокации, чей уровень рефлексии выше.

Идеальному провокатору противостоит провокатор идейный (моральный). Если логически рассуждать далее, то картина мира этого провокатора ограничена рамками морали, то есть находится в стазисе.

Мораль, по Ницше, рождается из реасентимента (reasantiment) — чувства затаенной обиды. В человеке, считает Ницше, «таится обида на все, что его превосходит в жизни, — на силу, которой он вынужден подчиняться, на судьбу, которая его в чем-то обделила, вообще на всех, кто добился успеха, вышел победителем из жизни» [1, с. 207]. Иными словами, это ситуация зависимого человека или слабого человека. Отсюда, мораль — компенсация за неудовлетворенное чувство мести тем, кто не бежит от жизни, не боится ее темных сторон. Мораль — сознание слабого. Мораль позволяет слабому за ней прятаться, успокаиваться, чувствовать себя правым. Таким образом, мораль охраняет человека от презрения к самому себе, от критической оценки самого себя и «замораживает» его в своем стазисе.

Если картина мира идеального провокатора подвижна, стремится выйти за собственные рамки в ответ на запросы времени, то моральный стазис в принципе не способен на такое действие. Отсюда идейный провокатор будет всегда собой удовлетворен. Не удовлетворяет идейного провокатора только то, что его картина мира

полностью или частично не совпадает с картинами мира других субъектов, живущих во времени. Именно это несовпадение заставляет идейного провокатора совершать набеги на чужие территории. Цель идейного провокатора — заменить картину мира объекта провокации своей. При этом первоочередная задача этого провокативного действия — раздуть общественный скандал. Энергия скандала идейному провокатору жизненно необходима, чтобы наращивать и утверждать значимость собственного «Я».

В отличие от идейного, идеальный провокатор утверждает значимость собственного «Я» за счет выхода за рамки этого «Я». Продуктом такого выхода становится реальность второго плана или художественный текст. Для идейного провокатора художественная реальность — это и есть чужая территория для разрушительных набегов. С художественной реальностью он борется, выражаясь словами Ницше, «живое чувство и инстинкт подавляет абстрактной мыслью» [28].

Его провокация осуществляется по определенному методу. На первой стадии имитации идейный провокатор копирует не реальность, чтобы потом подвергнуть ее деконструкции, а наоборот — переводит художественный текст в реальность. На второй стадии идейный провокатор членит свои утверждения по методу бинарных оппозиций, но третью, важную стадию сомнения в правильности бинарных оппозиций просто пропускает, так как не способен к ироническому модусу, ведь его картина мира находится в моральном стазисе. Последняя стадия — утверждения — это уже не нищеанское утверждение, а совсем наоборот — утверждение моралиста. Стремление сделать картину мира объекта провокации не подвижной, а устойчивой, как у себя, то есть осуществить полную замену картины мира.

Например, можно ли считать провокацией открытое письмо в адрес администрации петербургского музея «Эрарта» от инициативной группы казачества (куда входят студенты и преподаватели) о запрещении моноспектакля по роману Владимира Набокова «Лолита»? [29]. По всей вероятности, можно, поскольку налицо стремление авторов письма «перегрузить» картину мира тех, кто организовал, играл и смотрел бы спектакль. Роман Набокова был объявлен «греховным», «богохульным» и нарушающим петербургский закон о запрете пропаганды педофилии. Подписавшиеся заявили, что если руководство музея не отменит постановку, они будут ей препятствовать «в том числе казачьими силами». То есть к провокативному заявлению прибавляется еще в чистом виде шантаж, что провоцирует общественный скандал.

Думается, в контексте заявленной в статье проблематики стоит проследить механизм этой идейной провокации. Провокаторы берут художественный текст, роман Набокова «Лолита», который по структуре, как и всякое произведение искусства, является наполненной многообразием смыслов вторичной моделирующей системой, и переводят его в житейскую реальность, наделяя одним буквальным значением: Гумберт испытывает сексуальное

влечение к девочке-подростку, значит он — педофил, и для наших детей представляет опасность. То есть, без каких-либо допущений в картине мира провокаторов на один уровень ставится литературный персонаж и реальный преступник, сексуальный извращенец. Далее, разбивая уже эту переведенную на житейский уровень реальность на бинарные оппозиции по моральному принципу, делается вполне логичный вывод — книга, спектакль опасны для нравственного здоровья людей³. Так многозначное становится однозначным, а некая провокативная идея трансформируется в конкретное действие — провокацию.

Примером обратного провокативного действия можно назвать роман Виктора Пелевина «S.N.U.F.F.», который, по высказываниям «продвинутых» читателей, буквально «грузит» смыслами. «S.N.U.F.F.» — это ответ вызову современного постиндустриального общества вообще и России в частности. Пелевин берет явления нашей сегодняшней реальности и создает художественный провокативный текст. Роман буквально заполнен «корректирующей иронией». Вот только один пример идеальной провокации из этого романа: дихотомия Россия — Запад.

Мир книги «S.N.U.F.F.» невелик, он ограничен всего двумя мирами — верхним и нижним. Нижний называется Уркаиной, там живут урки, которых иногда называют орками. Правят урками каганы, сокращенное от уркаганы. Урки, технически и культурно отсталые люди. Это мир — Россия. Один из героев романа — дядя Жлыг ностальгически вспоминает о том времени, когда урки изготавливали микрочипы и другую электронику высокого класса, а вот сейчас в Украине: «...инженер — это низшая раса. А герой нашего времени — это вертухай с хатой в Лондоне или, на худой конец, какой-нибудь филологический говнометарий, которого в университете семь лет учили фигурно сосать у кагана. <...> Какой микрочип можно сделать в каганате под шансон? Тут можно качественно производить только один продукт — воцерквлённых говнометариев» [30, с. 77—78].

Мечта любого урка — попасть в верхний, небесный мир — Запад. Он парит прямо над Уркаиной и называется офшаром. Это высокоразвитая воздушная колония «Биг Биз». Царство полной автоматике, красоты и чистоты, — прямо-таки неземной рай. Там есть район Лондон, куда стремятся уехать разбогатевшие, то есть обворовавшие свою страну, глобальные урки⁴. Они собираются в безумно дорогом ресторане «VERTU HIGH» (в пер. с англ. vertu — художественный вкус, high — высокий). Пелевин не удерживается от саркастической усмешки: «Первую половину жизни глобальные урки борются друг с другом за право уехать из Украины в Лондон, а вторую половину сидят в Лондоне и смотрят телевидение Уркаины. Ностальгия!» [30, с. 342].

³ Надо сказать, что в данном случае провокация достигла своего финального цикла — режиссер постановки Леонид Мозговой отменил спектакль, будучи неуверенным за безопасность зрителей.

⁴ Глобальные урки — пастиш на очень популярный интернет-мем Global Russians.

Однако мир людей оказывается сотканным из трехмерной графики. Офшар — это обманчивое впечатление свободы и радости, он оказывается ничем не лучше мира урков. Ключевое слово этого мира — «маниту». Это и Великий дух, и монеты, и монитор.

Люди в Офшаре живут в Эру насыщения, поэтому им нужен снафф. Снафф⁵ — это местная индустрия развлечений, она же индустрия производства информации — соединение кино и новостей, «где панорамы танкового боя перемежаются с постельными сценами» [30, с. 362]. Снафф имеет религиозный статус — снафф предлагает людям Маниту, верховное божество, чтобы придать жизни людям верхнего мира хоть какой-то смысл.

Люди из верхнего мира провоцируют в Уркаине войну, чтобы потом насильственными действиями опять привести урков к мирному существованию. И это происходит каждый год. В романе идет уже одна тысяча сто двадцать первая война. Кадры с реальной смертью и сексом — это основа снаффа, потому что в этом мире всеобщего насыщения, где жизнь воспринимается как игра Маниту, всерьез можно только «спариваться и умирать. Хоть в домашнем уединении, хоть перед сотней камер на арене» [30, с. 363].

Текст Пелевина очень жесткий. Но провокативные тексты, которые работают с современной действительностью, и должны быть такими. Иными словами, сегодня быть идеальным провокатором — это значит выставить в своих личных настройках «максимальный режим сучества». Иначе тексты не будут выполнять основной своей задачи — вызывать в людях мысли, рефлексию.

Список литературы

1. Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 2. — М., 1990.
2. Фесуненко И.С. Преодолевая «Закон Мерфи». — М.: ГИТР, 2010.
3. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. — М.: Русский язык; Литература, 2006.
4. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/83716/
5. Итальянско-русский словарь. — М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1969.
6. Новый Большой англо-русский словарь. Т. 2. — М.: Русский язык, 1997.
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка. — М.: Оникс, 2007.
8. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. Т. 3 — М., 1939.
9. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб: Норит, 1998 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/kuzn/
10. Большой энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://slovari.299.ru/enc.php>
11. Словарь иностранных слов. — М.: Русский язык, 1989.
12. Леонов Н.И. Конфликтология. — М.: Изд-во Московского психолого-социального института, 2006.
13. Степанов В.Н. Провокативный дискурс массовой коммуникации: дис. ... д-ра филол. наук. — СПб., 2005.
14. Дружинин А.М. Коммуникативные практики. Философско-методологический анализ: дис. ... канд. филос. наук. — М.: РГБ, 2005.
15. Жидков В.С., Соколов К.Б. Искусство и картина мира. — СПб.: Алетейя, 2003.
16. Гриненко Г.В. Сакральные тексты и сакральная коммуникация. Логико-семиотический анализ вербальной магии. — М.: Новый век, 2000.
17. Межуев В.М. Идея культуры. Очерки по философии культуры. — М.: Университетская книга, 2012.
18. Делёз Ж. Ницше. СПб.: Аксиома; Кольна, 1997 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Delez/nicshe.php
19. Хайдеггер М. Европейский нигилизм [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Heidegg/EvrNig_01.php
20. Грицанов А.А. Жиль Делёз. — М.: Книжный дом, 2008.
21. Набоков В. Пошляки и пошлость // Лекции по русской литературе. М.: Независимая газета, 1999 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://bookworm-quotes.blogspot.ru/2009/02/blog-post_14.html
22. Новик Е.С. Структура сказочного трюка // От мифа к литературе. — М.: РГГУ, 1993.
23. Химическая энциклопедия. Т. 2. — М.: Советская энциклопедия, 1990.
24. Ильин И.П. Постмодернизм. Словарь терминов. — М.: INTRADA, 2001.
25. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rubricon.com/qe.asp?qttype=0&sletter=%u0421&i=390&id=390>
26. Лотман Ю.М. Тезисы к проблеме «Искусство в ряду моделирующих систем» // Ю.М. Лотман. Статьи по семиотике культуры и искусства (Сер. «Мир искусств»). СПб.: Академический проект, 2002 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://philologos.narod.ru/lotman/thesis.htm>
27. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки по герменевтике. — М.: Медиум, 1995.
28. Ницше Ф. К генеалогии морали [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.modernlib.ru/books/nicshe_fridrih/k_genealogii_morali/read/
29. Голубкова М.В. В Петербурге по просьбе казаков отменили спектакль «Лолита» // Российская газета от 21.10.12 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/10/21/reg-szfo/lolita-anons.html>
30. Пелевин В.О. S.N.U.F.F. — М.: Эксмо, 2012.

⁵ Снафф-видео (от англ. Snuff — «нюхательный табак», «остренькое», «крепкое») — короткометражные фильмы о реальных убийствах, где предварительно жертву подвергают сексуальному насилию и жестоко пытаются. Снафф может распространяться с целью извлечения финансовой выгоды. Тема нелегального снафф-бизнеса с предельной откровенностью раскрыта в фильме Джоэла Шумахера «8 мм» (1999). В романе В. Пелевина аббревиатура S.N.U.F.F. расшифровывается как Special Newsreel / Universal Feature Film, где единственная тема Special Newsreel — война, а вторая половина — секс.